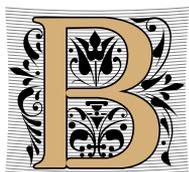

Исторический вестник. 2023. Т. XLIV
DOI: 10.35549/HR.2023.2023.44.006

О.А. Курбатов

РУССКОЕ ВОЙСКО XV–XVII вв. ОЧЕРК ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ СТРУКТУР

В период XVI–XVII вв. организационная структура подразделений русского войска сочетала в себе, в качестве основы, еще древнерусские принципы полкового деления с элементами восточного и западноевропейского влияния. К концу периода практически вся действующая армия имела вполне европейское устройство современного ей уровня, лишь с небольшими традиционными особенностями.

Общие сведения о ратной организации Московского княжества до середины XVI в.

Во второй половине XIV в. последовательными усилиями московских и владимирских князей — «Даниловичей» создается единое войско Великого княжества Владимирского и Московского, построенное сперва на конфедеративных началах. Собственная рать великого князя состояла из территориальных полков — по месту проживания и сбора бояр и вольных слуг: в частности, известны московский, коломенский, звенигородский, дмитровский, владимирский, юрьевский, переславский, костромской, уglichский, галичский полки или «бояре» этих областей. Удельные князья

в договорах со своим «старшим братом» обязывались по его приказу со своими людьми «всести на конь без ослушанья», подчиняясь московским воеводам. Ко времени Куликовской битвы подобная же договорная система была распространена и на союзных, формально независимых князей Владимирской Руси. Таким образом, последовательно преодолевался один из важнейших с военной точки зрения недостатков — отсутствие единовластия в войске.

Соединение обычно небольших княжеских дружин и великокняжеских полков в единый организм воссоздало могучее русское войско, способное уже на равных противостоять ослабленной междуусобицами золотоордынской рати. В 1380 г. к полкам, приведенным воеводами и наместниками великого князя Владимирского и Московского, со своими отрядами присоединились его двоюродный брат Владимир Андреевич (удельный князь Серпуховской и Боровский), белозерские, ярославские, ростовские, мещерский, муромский и ряд других князей. В итоге собралось несколько тысяч воинов, большей частью отлично вооруженных и закованных в броню всадников.

Перечень областных и княжеских «полков» единого московского войска долгое время сохранялся без особых изменений. Так, если в тверском походе 1375 г. участвовало 23, то в Куликовской битве — до 36, а в походе на Великий Новгород в 1386 г. — 29 таких отрядов¹. Если же сравнить их со списком Московских «городов» поместной конницы XVI в., нетрудно заметить прямую преемственность этих городских ратей, причем преемственность эта не только внешняя — по названию земли или княжества, но и, во многих случаях, родовая для знатных, давно служащих «по отечеству» семей детей боярских и многочисленных потомков удельных князей. В процессе дальнейшего объединения русских земель вокруг Москвы изменялись формы подчинения отдельных княжеств: их правители и знать постепенно лишались политической власти, приобретая взамен вотчины в разных концах страны, и переходили в состав московского великокняжеского двора.

Войско Московской Руси XIV — XV вв., собиравшееся для дальнего похода, комплектовалось боярами и «слугами вольными», а также боевыми холопами этих воинов. С 1430-х гг. для обозначения вольных слуг, а также потомков измельчавших боярских родов стал применяться тер-

¹ Киртичников А.Н. Факты, гипотезы и заблуждения в изучении русской военной истории XIII—XIV вв. // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы истории города. Л., 1988. С. 239.

мин «дети боярские» (*ед. число* — «сын боярский»)². Они-то со временем и составили основную массу рядового состава поместной конницы. Наиболее знатные воины различных уездов великого княжества, а также дети боярские Московского уезда, старомосковские бояре и разного рода служилые князья и княжата составляли двор московского князя (Государев двор) — наиболее боеспособное соединение во всем войске. Со времен Василия II, сообщая о дворе, летописи, как правило, использовали словосочетание: «многие дети боярские — двор великого князя»³. Его члены могли в короткий срок выставить в поле тысячу⁴, а при усиленном сборе — и несколько тысяч хорошо вооруженных воинов. Свои дворы, конечно же, меньшего размера, существовали и у других владельных — удельных и великих русских князей. Городовые же конные отряды были довольно невелики, с численностью, в целом сопоставимой с силами уездных корпораций XVI–XVII вв. Так, когда в начале 1445 г. литовцы произвели опустошительный набег на оголенные западные границы Московского княжества, им противостояли только 100 можаичей, 100 вереитинов и 60 серпуховичей и боровичан⁵. Для сравнения: в 1572 г. Береговые полки князя М.И. Воротынского включали в свой состав 127 можаич, 30 вереич, 76 серпухович и 10 «лутчих» детей боярских из Боровска⁶. Вообще, для каждого уезда существовал свой предел численности для конных отрядов детей боярских и их боевых холопов, которых он мог содержать без экономического ущерба для своего хозяйства.

Эволюция полкового устройства русской конницы до начала XVI в.

Первичной единицей полевого управления издревле являлся «полк» — объединение воинов во главе с князем или его воеводой; несколько таких отрядов составляли целое войско, также называвшееся полком. Так,

² Подробнее процессы формирования уездного дворянства в XV — XVI вв. рассмотрены в монографии М.М. Бенцианова «Князья, бояре и дети боярские»: Система служебных отношений в Московском государстве в XV — XVI вв. М., 2019.

³ *Ивина А.И.* Иерархическая структура правящей элиты в княжествах Северо-Восточной Руси и Русском государстве (конец XIV — первая половина XVI в.) // От Древней Руси к России Нового времени: Сборник статей: к 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич. М., 2003. С. 88–100.

⁴ *Зимин А.А.* Витязь на распутье. М., 1991. С. 104.

⁵ Там же. С. 103.

⁶ *Буганов В.И.* Документы о сражении при Молодях в 1572 г. // Исторический архив. 1959. № 4. С. 174–177.

знаменитый «пълакъ» князя Игоря Святославича в походе 1185 г. состоял из полков князей Новгород-Северского, Трубчевского, Рыльского, Путивльского, а также из отряда черниговских ковуев — полка воеводы Олестина Олексича. При первом же, довольно неожиданном столкновении с половцами эти дружины образовали пять полков боевого построения — средний, правый и левый и два передовых, включая один из ковуев. Все эти полки выделили перед собой еще дополнительный сводный или сборный полк конных застрельщиков⁷.

Подобные полки насчитывали от нескольких десятков до сотни и более всадников — профессиональных воинов, хорошо обеспеченных лошадьми, доспехами и оружием⁸. Их небольшие размеры не вызывали каких-то сложностей с управлением в бою, так что долгое время мало что было известно об иных командных чинах, кроме воеводского, а также о градации воевод. Характерна в этом плане отметка «Государевых разрядов» о посылке в 1506 г. «по казанским вестям» к воеводе князю Михаилу Ивановичу Булгакову в Плес князя Юрия Пронского: «А того не написано, воеводою ли или в детех боярских»⁹. Конный полк, собранный для защиты какого-либо направления, зачастую назывался «заставой». Известен подвиг такой заставы численностью всего в 64 чел., под началом Федора Колтовского и Горяина Сидорова: в июне 1492 г. эти ратники нагнали отряд из 220 татар, разграбивший алексинскую волость Вошань, и наголову разгромили его¹⁰.

Новый этап в развитии полевой организации русской конницы начался в конце XIV в. в связи с объединением под Московским «великокняжеским стягом» многочисленных дружин северо-восточной Руси. Войско, собранное под Коломной в 1380 г., состояло из 18 городовых великокняжеских и удельных полков, а также 14 княжеских дружин¹¹, и было разделено на шесть крупных «титულных» полков, каждый из которых имел единое командование. Впрочем, само построение их на поле в соответствии со своими титулами логично вытекало из древнерусской практики, описанной в Ипатьевской летописи под 1185 г.

⁷ ПСРЛ. Т. 2. С. 130.

⁸ Представительную подборку сведений о численности древнерусских конных полков и дружин см.: *Тараторин В.В.* Конница на войне. Минск, 1999. С. 244–247, 253, 254.

⁹ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 37.

¹⁰ *Алексеев Ю.Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009. С. 317.

¹¹ *Горский А.А.* К вопросу о составе русского войска на Куликовом поле // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2000. № 4 (6). Декабрь. М., 2001. С.29–37.

К систематической организации конной рати по «титულным» полкам перешел великий князь Иван III в 1477 г. Поначалу схема походного и боевого построения оставалась прежней, четырехполковой (полки Большой, Передовой, Правой илевой руки). Однако с 1492 г. в разрядах начали эпизодически указываться воеводы Сторожевого полка; в 1501 г. формирование этого полка стало общим правилом¹². В данном случае, в отличие от построения Куликовской битвы, под Сторожевым полком стали понимать арьергардный отряд. Отныне боевой порядок представлял собой центр (Большой полк), равномерно окруженный с четырех сторон частями прочих «титулных» полков¹³.

Ближайший аналог подобного построения мы обнаруживаем в византийских военных трактатах X в.: Большой полк соответствует центральной «паратаксии священного Императора», Передовой — авангардной паратаксии или «мере», Правой илевой руки — мерам «плагиофилаков»¹⁴, а Сторожевой — арьергарду или «саке»¹⁵. Впрочем, уже в ромейской коннице название заднего Сторожевого полка имело арабское происхождение, и его появление на Руси в самом конце XV в. могло быть вызвано не византийским, а непосредственно восточным, мусульманским влиянием.

Воеводские полки XVI — начала XVII в.

Во времена правления Ивана III установился порядок обязательной фиксации в официальных списках — «разрядах» — перечня воевод по полкам. Дети боярские распределялись между воеводами двумя росписями: отдельно городовые, отдельно «дети боярские государева Двора». Ратные люди других категорий (пищальники, иноземцы) подчинялись, как правило, главному воеводе, но из тактических соображений могли также распределяться по полкам. Списки составляли «разрядные» дьяки по указанию великого князя — со временем их учреждение оформилось в Разрядный приказ, главное военное ведомство страны. Роспись для каждой

¹² Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. С. 320, 325, 395, 397.

¹³ Замечательное описание этой походной практики содержится в сочинении Г. Штадена (1570-х гг.) (Штаден Г. Записки о Московии. М., 2008. С. 67, 69, 509).

¹⁴ Об устройстве лагеря // Два византийских военных трактата конца X в. СПб., 2002. С. 344–351.

¹⁵ Термин «сака» выводится из арабского «saqat» — эскорт, конвой, а по-древнерусски — стража; ее архонт отвечал за прикрытие походной колонны с тыла (Два византийских военных трактата конца X в. СПб., 2002. С. 150, 349).

«службы» (поход, застава) составлялась заново, так что о постоянном характере подразделений говорить не приходится.

Вместе с тем, структура походного войска строилась по единым образцам из года в год. С 1501 по 1549 г. в случае назначения «титulyных» воевод (Большого, Передового и прочие полков) обязательным было его деление на пять полков. Как правило, в каждый полк назначалось по два воеводы. Ратные люди распределялись между всеми воеводами каждого «титulyного» полка, образуя «воеводский» полк. Источники демонстрируют строгую зависимость численности полков от их ранга по местнической шкале: например, после 1570-х гг. больше всех Большой полк, затем Правой руки, Передовой, Сторожевой илевой руки. Внутри каждого из них ратных людей делили в пользу первого воеводы. Изначально каждый воевода командовал отрядом, который мог физически исполнять его команды в полевом бою (от нескольких десятков до сотни — двух детей боярских); в случае сбора более крупных воеводских полков из числа дворовых детей боярских дополнительно назначались «легкие», «посылочные» воеводы, которые в разрядах фиксировались нерегулярно.

В результате ряда преобразований 1549–1552 гг. появилось новое звено управления — «сотня», которой командовал «голова» из знатных детей боярских¹⁶. Дворянская сотня не делилась на какие-либо более мелкие отряды и насчитывала, как и прежде воеводский полк, от нескольких десятков до двух и более сотен всадников. Для замещения командных должностей в каждом воеводском полку Разрядный приказ расписывал фиксированное число выборных дворян, и часть из них получала должность «письменного головы» у сотни. Несколько сотен дворян составляли воеводский полк; отряды прочих ратников (татар, казаков, иноземцев, стрельцов и пушкарей) подчинялись воеводам титulyного полка.

Войско могло расписываться на «малый разряд» (три полка: Большой, Передовой и Сторожевой), «большой разряд» (плюс полки Правой илевой руки) и разряд Государева похода. В последнем случае самым крупным соединением в войске становился Государев полк с дворовыми воеводами. Из его состава выделялись Ертаульный полк (также передовой) и полк Большого государева наряда (артиллерия и инженерно-саперные части). Каждому воеводе теперь подчинялось несколько сотен, что превратило их

¹⁶ Подробнее об организационных реформах 1550-х гг. см.: Курбатов О.А. Реорганизация русской конницы в середине XVI в.: Идеиные источники и цели реформ царского войска // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2009. Вып. 1. С. 196–227.

полки (особенно титульные) из конных дружин седой старины в полноценные соединения, способные к самостоятельным действиям.

Размеры и состав подобных соединений невозможно выяснить исходя только из воеводского списка: рати в 5 тысяч и 20 тысяч бойцов в разрядной росписи выглядели одинаково, различалась лишь родовитость, вес их воевод при Дворе. Вместе с тем устройство всех ратей было унифицировано, и впоследствии появление в их составе полков «нового строя» не вызвало каких-то немедленных перемен в организации на воеводском уровне.

Служилые иноземцы

Отряды служилых иноземцев на службе великих князей московских известны как минимум с 1505 г., когда взятые при Ведроше литовские наемные «желдаки» (солдаты) приняли участие в обороне Нижнего Новгорода от татар. Впрочем, в отдельное ведомство управление ими выделилось только ко временам царя Федора Иоанновича: в 1588 г. упоминается «приказ Служилых Немцев»; видимо, после добавления рот «гречан, серблян и литвы» ведомство стало называться Панским (позже просто Иноземским) приказом¹⁷.

«Немцы» (в виде наемных рот конных рейтар) появились на царской службе к 1572 г., когда 3 роты по 100 чел. служили в «береговых» полках на Оке. Затем их пополнили пленные эпохи Ливонской войны и переселенцы из Ливонии начала 1600-х гг., которые получали либо поместье, либо «кормовое» жалованье для конной службы. В 1604 г. немцев насчитывалось до 700 чел. в трех ротах, каждая из которых была устроена по традиционному для них обычаю¹⁸. Также и литовские роты имели собственное устройство по польскому типу, с выборными ротмистрами, поручиками и прочими должностями.

Стрельцы, городовые казаки и пушкарский чин

Эти три категории ратных людей принято относить к «служилым людям по прибору», поскольку их численность не зависела от количества явившихся на службу (помещиков и прочих) — напротив, их набирали из чис-

¹⁷ Лисейев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М; СПб., 2015. С. 68.

¹⁸ Курбатов О.А. Роль служилых «немцев» в реорганизации русской конницы в середине XVII в. // Иноземцы в России в XV–XVII вв.: Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 18–34.

ла «вольных гулящих людей» по заранее установленному штату. Хотя дети их и другие родственники имели преимущество при занятии вакантных мест, увеличение армии и гарнизонов, а также боевые потери заставляли постоянно возобновлять «прибор вольных» со стороны.

Штатный состав для стрельцов и городских казаков, а также размеры их денежного, хлебного и других видов окладов были определены особыми «уложениями» в 1550–1555 гг. В дальнейшем, при формировании новых гарнизонов, правительство придерживалось прежних организационных норм. «Прибор» стрельцов или конных полковых казаков делился чаще всего на 5 сотен с «головой» из выборных дворян; когда командование вновь набранным прибором передавалось другому дворянину, он начинал называться «приказом». Сотня подчинялась сыну боярскому городского чина, и ее состав включал 2 пятидесятника, 8 десятников и 90 рядовых. Только эти чины имели значение при выплате жалованья, хотя внутри сотен могли быть знаменщики, дьячки (писари) и лекари. Иногда реальная численность сотни отставала от штатной, поскольку верстание на «убылые места» осуществлялось нерегулярно.

Летом 1550 г. в московские стрельцы было «выбрано» 3000 чел., разделенных на шесть «статей» (затем приказов). Впоследствии их число стало увеличиваться. В 1565 г. учрежден приказ опричных стрельцов, численность которого была в два раза больше, чем у обычных стрельцов, и который был обеспечен лошадьми. Это положило начало приказу Стремянных стрельцов, который обычно имел двойной состав в 1000 чел., хотя иногда его численность сокращалась до 600 и даже 500 чел. При царе Федоре Иоанновиче московских приказов насчитывалось 10, но в 1610–1611 гг. значительная их часть была раскассована и разслана по городам, сохранив жалованье московских (эпоха «Семибоярщины»). С 1613 г. численность стрелецкого войска в Москве стала восстанавливаться, сначала до 8, а в 1631 г. до 12 приказов. Вскоре количество приказов возросло до 15, а к 1650-м гг. — до 18¹⁹.

Первое достоверное известие об устроенных по стрелецкому образцу городовых казаках относится к 1555 г.: («прибор» торопецких казаков головы Ивана Безкунникова в 150 чел.)²⁰. В 1560-х гг. при южных крепо-

¹⁹ Романов М.Ю. Командный состав стрелецкого гарнизона Москвы в период возрождения страны после Смуты (1613–1628) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2017. Т. IX. С. 123–168. <http://www.milhist.info/2017/03/06/romanov_1> (06.03.2017).

²⁰ Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. СПб., 1846. Т. I. С.135 (№ 80).

стях стали прибирать и селить слободами крупные отряды «полковых» казаков — по 500, 600, 800 чел. Уже в росписи 1572 г. они обозначены как «казаки конные с пищальми». В этом было их главное тактическое отличие от стрельцов, которые составляли в первую очередь гарнизон города и лишь во вторую усиливали полевые войска. По известным росписям 1563–1604 гг. их численность в крупных походах царской рати колебалась от 1500 до 2500 чел. из десятков различных крепостей.

Наиболее сложную номенклатуру чинов служилых людей «по прибору» мы наблюдаем среди «пушкарского чина», причем уже в 1577 г. это настоящее типовое штатное расписание. В восьми только что занятых ливонских крепостях оно включало: по 8 пушкарей, 4 воротника, 4 сторожа (1 житничий, 2 тюремных и 1 казенный «у зелья и у всякого у пушечного запаса»), 2 плотника, по палачу, кузнецу, вожу (из местных жителей) и толмачу. Чуть больше пушкарей имелось в Ровном и Левенварде, а в Кукейносе, отличавшемся размерами, штат составил 50 пушкарей (включая 5 десятников), 16 воротников, пропорционально большее число других служилых людей, а также 4 каменщика. В переписке с Городовым (Пушкарским) приказом эти люди названы «оброшниками»: это обозначение впоследствии было заменено понятием «пушкарский чин» (по принадлежности к Пушкарскому приказу)²¹.

Станичная и сторожевая служба

Особой категорией служилых людей «по прибору» являлись ратники станичной и сторожевой службы. Их количество в городах было кратным численности и числу станиц и сторожей, которые с четко установленной периодичностью и по оговоренным маршрутам и местам выходили в степь для наблюдения за татарскими шляхами. В Разрядном приказе с 1570 г. занимались организацией всей сети дозоров в целом, а затем смотрели на возможности их размещения и комплектования личным составом по отдельным уездам. С постройкой новых городов на Поле маршрут станиц изменялся таким же образом — централизованно, после тщательного изучения всего вопроса; затем это отражалось и на составе городских отрядов. Имущественное положение и статус бойцов сторожевых станиц были привилегированными по сравнению с другими категориями городских ратников, приближаясь к детям боярским.

²¹ Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571–1580 гг. // Памятники истории Восточной Европы. М.; Варшава, 1998. Т. III. С. 70–82.

По данным на 1616 г., белгородская станица состояла из 13 чел.: сына боярского, двух «вожей» (проводников, знатоков местности) и 10 (в некоторых станицах 9) «ездоков» — рядовых станичников, которые первыми сообщали в ближайший город вести о движении татар. Всего станиц насчитывалось 19, а в них служило 235 чел. Через десять лет — новое расписание. В каждой станице — по сыну боярскому, станичному атаману, 2 вожа и 5 «ездоков» (всего 9 бойцов); число станиц достигло сорока, а ратных людей в них — 360 чел. На Осколе в 1616 г. число и состав двадцати дозорных отрядов отличались от белгородских: 20 станиц по атаману и 8 «ездоков»; в 1626 г. их число осталось прежним, а структура приблизилась к белгородской — по сыну боярскому, атаману, два вожа и 6 ездоков в каждой. На Валуйках к 1626 г. было вновь учреждено 24 станицы, по атаману и 5 ездоков в каждой²².

Даточные и посошные люди

Для усиления действующей армии в случае важных военных кампаний правительство прибегало ко временному призыву податного населения — черносошных, дворцовых и даже владельческих крестьян, посадских людей представителей ясачных народов²³. Только ограниченные категории — даточные с помещичьих и церковных земель — могли призываться к полноценной конной службе, которую чаще заменяли обязанностью выставлять подводы для нужд армии. В остальных случаях это были пешие люди «с вогненным боем», организованные по стрелецкому образцу в станицы и сотни. «Подымовные люди» из мордвы и черемисы выступали в поход частично с луками и рогатинами, во главе со своими старшинами.

Иноземные и союзные контингенты эпохи Смутного времени

Помимо служилых людей, состоявших на царской службе, в гражданской войне 1604–1618 гг. приняли участие различные иностранные контингенты. Формально они также поступали на царскую службу и подчинялись

²² Курбатов О.А. Разряды ратных людей на юге Русского государства накануне создания Белгородской черты в первой трети XVII в. // От Донца до Ворсклы: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород, 2016. С. 37–44.

²³ Комаров О.В. Ратные люди Поморских городов вт. пол. XVI — нач. XVII вв. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. VI. — С. 1–36. <<http://www.milhist.info/2014/09/17/komarov>> (17.09.2014)

приказам того или иного государя, сохраняя при этом все особенности внутреннего устройства и тактики.

Донские, яицкие, терские и вольные казаки. Большею частью это была пехота, вооруженная огнестрельным оружием. Они передвигались либо верхом, либо на стругах по речным путям. Основа организации — станицы во главе с атаманом и есаулом, численностью в несколько десятков полноценных воинов при некотором количестве «чуров» (бесправных помощников). Если десятки соединялись вместе, они составляли войско численностью до нескольких тысяч человек. По образцу и с участием «природных» казаков были организованы уже на Руси станицы «вольных» казаков (в основном в составе войск Болотникова и Лжедмитрия II, хотя они нередко переходили в другие станы). По окончании боевых действий оставшиеся на службе станицы были расселены по десяткам гарнизонов, сохранив до второй половины XVII в. свое изначальное устройство²⁴.

Черкасы. Общее название украинских казацких отрядов, вооруженных аналогично русским казакам. В их организации могли принимать участие различные коронные магнаты Речи Посполитой. В походах на Русь обычно объединялись в полки во главе с выборными полковниками; полки делились на сотни крупной численности²⁵.

Польские и литовские люди. Отряды профессиональных солдат из Речи Посполитой, которые состояли на службе различных претендентов на царский престол — Лжедмитриев I и II, а также шведского королевича. Роты по типу вооружения и тактики делились на гусарские, пятигорские, казацкие в коннице и гайдуцкие в пехоте²⁶. Со временем шляхетские роты армии самозванца были усилены многочисленными «охотниками» (добровольцами), вооруженными для пешего боя. Вообще, их численность в среднем была выше, чем в регулярных войсках Речи Посполитой, где она ограничивалась постановлениями Сейма.

Корпус Якоба Делагарди. В 1608 г. по Выборгскому договору шведский король предоставил в распоряжение Василию Шуйскому корпус в 3 тысячи пехоты и 2 тысячи конницы под началом графа Якоба Делагарди, с оплатой из царской казны. В составе армии кн. Скопина-Шуйского наемные отряды из Швеции приняли участие в боях против Лжедмитрия II

²⁴ Станиславский А.А. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990

²⁵ Курбатов О.А. Тихвинское осадное сидение 1613 г. М., 2006.

²⁶ Тюменцев И.О. Иноземные солдаты на службе Лжедмитрию II. 1607 — начало 1610 г. // Иноземцы в России в XV–XVII вв.: Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 270–283.

с апреля 1609 г. по весну 1610 г. Летом 1610 г. корпуса Делагарди и Эверта Горна в составе армии князя Д.И. Шуйского выступили на выручку Смоленска против поляков, но потерпели поражение при Клушине. Основной их организации была рота, средней численностью 150–200 чел. Солдаты сводились в конные и пешие роты по национальному признаку (финские, шведские, французские, немецкие, шотландские, английские и голландские), на поле боя из рот составлялись батальоны, с пикинерами в центре и мушкетерами на флангах (по 500–600 чел. в батальоне). Конница имела вооружение и тактику рейтарского образца.

Полки русской армии в эпоху Смоленской войны 1632–1634 гг.

В 1630 г. правительство приняло решение о формировании первых полков солдатского строя, полностью устроенных по европейскому (шведско-голландскому) образцу²⁷. Впоследствии к ним прибавились рейтарские, драгунские и гусарские отряды. В историографии их принято объединять под названием «полки «нового строя»», хотя в источниках подобное обобщение не прослеживается.

Солдатские и драгунский полки 1630–1634 гг. В 1630 г. было решено создать из детей боярских два полка по 1000 чел., однако впоследствии штат был пересмотрен по образцу шведской пехоты (по 1600 рядовых). В 1632 г. количество полков возросло до шести, из которых четыре отправились в поход немедленно, а два оставшихся, с отдельной солдатской ротой — только через год.

Полк состоял из восьми рот, в каждой по 200 рядовых (в том числе от 63 до 80 пикинеров, по разным полкам). Начальных людей требовалось примерно по 150 чел., от барабанщика до полковника включительно.

Кроме того, за границей было нанято четыре солдатских полка (три немецких и один английский). Наемный полк по штату также состоял из восьми рот, однако целиком мушкетерских; впрочем, по причине недобора полковники могли иметь и по 6, и по 7 рот, а в среднем численность полков колебалась от 600 до 1000 чел. рядового и начального состава.

Летом 1633 г. началось формирование полка драгунского строя. По штатам, он насчитывал 12 рот по 120 рядовых. Начальных людей — до

²⁷ Курбатов О.А. Западноевропейские военно-теоретические модели XVII в. и их место в реформировании русской армии // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.): Сборник статей. СПб., 2013. С. 231–249.

200 чел. Драгуны, ездящая пехота, были вооружены по солдатскому образцу, однако среди них не было пикинеров.

Все полки были снабжены обозом с шанцевым инструментом и полковой артиллерией. По штатам полагалось по одному орудию шведского образца на роту солдат или драгун, что и было обеспечено — хотя половину полковых пушек своей армии боярин Шеин оставил в Можайске из-за нехватки подвод.

Конные полки 1632–1635 гг. Принимая решения о создании тех или иных конных частей «нового строя», правительство исходило из принятых в тот момент на Западе нормативов. В частности, рейтарские полки усиливались для линейного боя драгунскими ротами; кроме того, считалось целесообразным комбинировать вместе копейные (гусарские), рейтарские и драгунские подразделения, для более эффективного взаимодействия.

Первый вариант был представлен полком рейтарского строя, который летом 1633 г. усилил армию Шеина под Смоленском. В нем насчитывалось 13 рот рейтар и 1 рота драгун, всего свыше 2000 чел. Все начальные люди полка были из иноземцев, а рядовые — из русских детей боярских; драгунская рота — целиком из наемников.

Второй вариант — «шквадрон» ротмистра Христофора Рыльского. Отряд включал в себя гусарскую, рейтарскую и драгунскую роты. Вначале он был сформирован в армии князя Черкасского под Можайском из служилых поляков и литовцев, однако в 1634 г. туда же стали поступать добровольцами русские дворяне. Сами они записывались по выбору в гусарскую или рейтарскую роты, а их холопы («люди») — в драгунскую. После войны шквадрон собирался под Тулой в 1635 и 1636 гг.

Таким образом, в течение 1630–1634 гг. произошло тесное знакомство царского командования и рядовых служилых людей с европейской военной организацией, вооружением и тактикой. Итогом стало принципиальное решение, по возможности, составлять всю пехоту действующей армии из отрядов подобного типа; в коннице началось последовательное перевооружение также по европейским нормативам.

Полки русской армии между двумя войнами, 1635–1653 гг.

Боевые действия в этот период велись в первую очередь на путях татарских набегов, где происходило массовое строительство городов и оборонительных линий. Кроме того, локальные боевые действия вспыхивали в Поволжье, где активизировались калмыки, и на Северном Кавказе в связи с рус-

ско-персидским конфликтом 1650–1653 гг. Для усиления гарнизонных отрядов «старых» служб время от времени формировались полки «кормовых» солдат и драгун, и один раз была собрана рейтарская часть. Кроме того, на наиболее угрожаемых направлениях начали создаваться постоянные отряды драгунского и солдатского строя поселенного характера — либо из записанных в эту службу местных жителей, либо из специально призванных на поселение в слободах вольных людей. Наконец, в 1649 г. в Москве в виде рейтарского полка было основано строевое офицерское училище для обучения русских дворян солдатскому и рейтарскому строю.

Титульные полки поместной конницы. Полки «нового строя» в этот период не действовали самостоятельно, а поступали под начало полковых воевод. К 1624 г. ежегодные летние сборы поместной конницы на южной границе привели к оформлению устойчивых соединений — титульных воеводских полков Тульского и Рязанского разрядов. К каждому из них приписывались определенные «города» (уездные корпорации дворян и полковых казаков). При этом отдельные условия службы имели Украинные и Рязанские, и отдельные — Замосковные «города», ввиду разного расстояния до места сбора. К примеру, в 1625–1652 гг. в состав Большого полка на Туле входили дворяне из Тулы (первая половина), Каширы, Козельска, Серпухова и Тарусы, а также Оболенские казаки. Небольшой Пронский полк Рязанского разряда включал в себя помещиков-рязанцев из Каменского стана, рязанских поместных казаков, курмышан и цненских татар. Перечень Замосковных городов, направляемых в тот или иной полк, менялся гораздо чаще в зависимости от оперативной ситуации. Общее число ратников в этих полках было невелико по причине их службы «по половинам». Например, в 1627 г. на Туле находилось около 2 тысяч чел., в Дедилове — чуть более тысячи, на Крапивне, во Мценске и в Рязани — по 800–900 чел., в Михайлове 400, в Пронске — 300. Во всем Украинном разряде под командой полковых воевод было 6500 чел.

Воеводы всех этих полков, получая в распоряжение отряды «нового строя» или приказы обученных по-европейски московских стрельцов, учились взаимодействовать с ними как в тактическом, так и в организационном плане.

«Кормовые» полки «нового строя». Основной штатной единицей в это время был «тысячный» полк солдатского или драгунского строя. Как правило, он состоял из 5 рот по 200 чел.; под начало главного полковника, Александра Крафферта, поступало до 3–4 «тысячных» полков во главе с подполковниками и майорами. Судя по всему, в солдатских ротах отменили пикинеров, бесполезных в столкновениях со степной татарской

конницею; постепенно отказались и от сбора пеших полков, переведя всех в драгунский строй. Для обеспечения конной службы «кормовых» драгун предпринимались специальные усилия по сбору, содержанию, лечению «драгунских лошадей», снабжению их седлами и уздами.

В 1638 г. в связи с угрозой нападения крымских татар было решено собрать по 4 тысячи солдат и драгун на Засечной черте. Кроме Тулы, полки собирались в Одоеве (при Передовом полку) и Рязани (при Рязанском полку). Командованию удалось даже превзойти первоначальный план за счет привлечения даточных и вольных людей, которых активно использовали на строительных работах по Черте. Всего собралось 7800 чел. в Большом полку на Туле, свыше 4200 чел. в Одоеве, а также на Крапивне и Веневе, 2200 чел. в Рязани. Даточных вначале приписывали к старым ротам, пока из Москвы не прибыли офицеры и знамена для новых рот.

В следующем, 1639 г. татарская угроза сохранялась, но собрать прошлогодний численный состав уже не удалось. На сей раз Александру Крафферту на Туле были доверены тысяча драгун (5 рот, 1040 рядовых и урядники) и две тысячи солдат (10 рот, 2080 рядовых и урядники), которыми командовали, помимо 10 капитанов, сам полковник, подполковник и 3 майора. Кроме того, смешанные отряды от 450 до 2700 чел. солдат и драгун вновь собрались в Веневе, Рязани, Одоеве и Крапивне. Всего было вооружено и обучено свыше 8500 чел. старых и новых солдат и драгун.

Тогда же, из старых отрядов, поселенных в Чулковой слободе Тулы и находившихся в ведении Иноземского приказа, было завершено формирование приказа драгунского строя. В его состав вошли служилые черкасы (из Тулы, а затем из Михайлова и Деилова), «днепровские казаки», более двухсот старых смоленских солдат, чулковские крестьяне и станица смоленских казаков. Несмотря на незначительную численность — от 400 до 600 чел. — это подразделение может считаться первым постоянным полком «нового строя» в России, поскольку имело компактное место дислокации в виде обычной служилой слободы и находилось в постоянной боевой готовности до 1658 г., когда было в полном составе переведено в Белгород.

Последние крупные сборы «кормовых» полков на юге были проведены в связи с завершающим этапом создания Белгородской оборонительной черты в 1646–1647 гг.²⁸ На сей раз солдатские полки уже не создава-

²⁸ Курбатов О.А. Драгунский строй на Белгородской черте в 1630-х — начале 1650-х гг. // От Донца до Ворсклы: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород, 2016. Вып. 1. С. 25–36.

лись, и все отряды были снаряжены по единому драгунскому образцу. Речь идет о «кормовых» полках шотландцев Александра Крафферта и Александра Гамолтова, иноземца «старого выезду» Василия Кречетникова, а также Афанасия Бельмана. Их дополняли тульские драгуны (майор Савва Долматов) и сводный полк драгунского строя из поместных и кормовых служилых иноземцев, а также «беломестных» городских казаков Мещовска, Масальска, Волока Ламского и Боровска (полковник Христофор Рыльский). Большая часть этих полков имела обычный тысячный состав, за исключением полка Крафферта (15 рот) и тульских драгун (5 рот).

В связи с угрозой новых набегов служба «кормовых» драгун продлилась до января — февраля 1647 г.; летом — осенью несколько отрядов гораздо меньшей численности вновь собрались в крепостях на Поле; после 1647 г. практика создания подобных полков на юге была прекращена, их заменили отряды из местных жителей, обученных драгунскому строю. «Кормовым» драгунам было также предложено перейти на положение поселенных, чем и воспользовалось несколько сотен человек в Карпове, Болховце и других местах.

Впрочем, другая часть ранее обученных драгун уже в 1648 г. записалась в тысячный полк майора Якова Урвина и до 1650 г. несла службу в земляном городке в низовьях Дона, усиливая донских казаков. Весной 1653 г. подобный же полк драгунского строя был направлен в Терки, для усиления тамошнего гарнизона в связи с русско-персидским конфликтом 1650–1653 гг. Командовал этим полком до 1656 г. также Яков Урвин.

Служилые иноземцы выступали в поход в составе особых подразделений дважды. В 1644 г. воевода Лев Афанасьевич Плещеев с сыном Андреем возглавили войска из Самары и Уфы в походе против калмыков. К ним в войско осенью 1643 г. назначили служилых иноземцев, большей частью «немцев» конных рот. Те образовали временный рейтарский полк Александра Крафферта, который довольно успешно действовал в верховьях реки Яик.

В 1650 г. на помощь довольно слабому войску боярина кн. И. Н. Хованского, которое вело бои с мятежным Псковом, был снаряжен драгунский полк Христофора Рыльского (600 чел. служилых поляков и литовцев). Впрочем, в боях он участия не принял.

Поселенные полки. Драгуны. В 1642–1647 гг. по новой границе с татарами было создано три очага драгунских поселений и гарнизонов. Вначале новый царь Алексей Михайлович планировал перевести всех служилых людей из «новых городов» в драгунский строй, однако сложности с комплектованием гарнизонов заставили отказаться от столь радикаль-

ного проекта и вернуться к планомерному переселению людей «старых» служб из тыловых гарнизонов.

Первая группа: линия укреплений по рекам Воронеж и Усмань, а также на Дону ниже Воронежа — Воронежский, Добренский, Сокольский и Козловский уезды. Здесь служили драгуны дети боярские Костенского острожка (127 чел., с 1642 г.), драгуны Орлова городка (229 чел., с 1646 г.), драгуны Сокольского острога (794 чел., с января 1647 г.), Доброго городища (959 чел., с весны 1647 г.), Козлова (155 чел., с весны 1647 г.).

Вторая группа, Белгородский и Карповский уезды: драгуны Карпова сторожевья (338 чел., с 1646 г.), драгуны Болхового (81 чел., с 1646 г.), драгуны Царева-Алексеева (267 чел., с 1647–1650 гг.).

Третья группа, Севский уезд: драгуны Комарицкой волости (5594 чел., с 1646 г.).

По характеру своей службы указанные отряды довольно сильно различаются. Драгуны Воронежского, Козловского и соседних с Белгородом уездов были целиком задействованы в сторожевой службе по укреплениям Белгородской черты, а также в гарнизонах и на караулах. В этом плане их функции были аналогичными с отрядами соседних украинских детей боярских, конных казаков и других ратных людей «старых служб». Однако в размещении новых драгунских отрядов, на первый взгляд хаотичном, заметен стройный план: одна их группа составила цепь поселений по Черте вокруг Воронежа (от Костенок до Усмани и Козлова), а другая — у Белгорода и Карпова. Драгуны Комарицкой волости не только полностью прикрыли границу с Речью Посполитой и юг Севского уезда, но и стали привлекаться к сменной дальней службе в Карпове и других местах.

Поселенные драгуны Севска, Доброго и Сокольска были устроены по образцу полков «кормовых драгун»: полки делились на роты, а роты на капральства. Внутри рот из местных драгун выбирались не только капралы, но и все прочие урядничьи чины. Однако число офицеров-иноземцев было сокращено с трех до одного–двух, причем чаще всего далеко не в чине капитана. Правительство таким образом сокращало расход казны, притом что иноземцы все равно справлялись со всеми задачами старших офицеров. Другим вариантом управления было вручение вновь созданного «прибора» драгун «голове драгунского строя» из русских дворян; для их обучения назначались «учители драгунского строя» из отслуживших в солдатских или драгунских полках детей боярских. Такие драгунские отряды делились, прежде всего, на капральства, которые могли насчитывать от 40 до 80 чел. и подчиняться напрямую «драгунскому голове».

Поселенные полки. Солдаты. В 1648 г. правительство обратилось к идее создания поселенных воинских отрядов «нового строя» на русско-шведской границе. Поначалу планировалось создать стандартный тысячный драгунский полк в Олонце. С этой целью в казну были отписаны Ильинский Олонецкий погост и прочие вотчины Новгородского митрополита в Карелии. В следующем году замысел существенно поменялся: черносошных крестьян 17 заонежских погостов перевели в солдатскую службу, при этом образовали Олонецкий уезд, с центром в основанном тогда же, в 1649 г., городе Олонце. Вскоре к ним причислили и все 7 малонаселенных лопских погостов. Кроме воеводы, в Карелию отправилось около сотни начальных людей-иноземцев во главе с полковниками-шотландцами Мунком Кормихелем и Александром Гамонтоном²⁹. По чинам они составляли кадровый состав офицеров и урядников двух восьмиротных солдатских полков шведского образца. Карельские погосты были расписаны между полками. Численность заонежских солдат вскоре превысила 10 тысяч чел.; о размерах своих рот некоторые капитаны и поручики сообщали, что обучили «полному солдатскому строю» от 200 до 430 чел. Несколько «шкваронов» (батальонов) полка М. Кормихеля несли драгунскую службу.

По идее, в военное время половина заонежских солдат должна была выступать в поход, тогда как остальные несли службу в «острожках» по обороне границы. В мирное время начальные люди, проживающие в центрах своих погостов, проводили интенсивное обучение солдатскому строю. Оба полка, половиной своего состава, приняли участие в подавлении Псковского восстания 1650 г.

Осенью 1649 г. в солдаты было записано мужское население Сомерской волости и Старополя — стратегически важного участка русско-шведской границы, вклинившегося в шведские владения на равном расстоянии от устья Невы и от Нарвы. По переписи здесь в 656 дворах оказалось 2092 годных к службе мужчины, однако при норме службы один, максимум два человека со двора, полк не достиг тысячного состава. В итоге было сформировано всего 5 рот, по 160–180 чел. в каждой; командовали сомерскими солдатами подполковник (Индрик Фанзарнен, с ноября 1653 г. — Иван Сван) и еще шесть начальных людей из иноземцев.

Офицерское строевое училище — рейтарский полк Исаака Фанбуковена. Отвечая требованиям представителей служилой знати по сни-

²⁹ Курбатов О.А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656–58 гг. // Архив русской истории. М., 2007. Вып. 8. С. 157–197.

жению расходов на жалование начальным людям полков «нового строя» и их нежеланию подчиняться исключительно иноземцам, правительство приступило к созданию национального офицерского корпуса — из русских дворян и детей боярских. С этой целью в 1649 г. был создан полк рейтарского строя (в подчинении Рейтарского приказа) под началом полковника Исаака Фанбуковена. Полк располагался в столице и не принимал участия ни в каких боевых походах. Состоящие в нем 2 тысячи ротных занимались исключительно обучением ратному строю, причем как конному — рейтарскому, так и пешему, «с мушкетами и пиками». Результатом же обучения стало производство только в 1653 г. порядка 600 рядовых рейтар в начальные люди конных и пеших полков «нового строя» (чины от прапорщика до капитана)³⁰.

Таким образом, между двумя русско-польскими войнами произошли важные структурные изменения в вооруженных силах.

1. Городовые корпорации помещиков объединились по условиям службы в несколько крупных групп — разрядов, что получило развитие в дальнейшем и послужило основой для создания разрядных военных округов.

2. Со строительством Белгородской черты обозначилось различие служилых людей внутренних гарнизонов и новых крепостей. Появилась группа «украинных детей боярских», отличная по статусу от знатного дворянства старых уездов.

3. Полки «нового строя» вооружались и обучались по европейским стандартам, хотя в боевых действиях почти не участвовали. За эти годы была подготовлена масса командиров среднего командного звена, от полковников и ниже, которые составили кадр для будущих десятков полков «нового строя».

4. Для комплектования полков «нового строя» правительство использовало несколько способов: призыв «вольных людей» и беспоместных детей боярских, мобилизация даточных людей, устройство старых служилых корпораций (иноземцев и полковых казаков) в новые полки, запись крестьян различного статуса (владельческих, дворцовых, черносотных)

³⁰ Курбатов О.А. «Начальные люди рейтарского строя в 1653–1658 гг.: Опыт просопографического анализа выпускников первого в России строевого офицерского училища» (по материалам РГАДА) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 5: Пятые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к Международной научной конференции. Москва, 9–10 ноября 2017 г. М., 2017. (Труды исторического факультета МГУ: Вып. 104. Сер. II. Исторические исследования: 57). С. 608–614.

в драгунский или солдатский строй, призыв в гарнизоны «кормовых» драгун с наделением их земель. В дальнейшем все эти способы будут применяться с более широким размахом.

Русская армия в 1654–1667 гг.

В ходе русско-польской войны 1654–1667 гг. и сопутствующих конфликтов в Русском государстве впервые была создана массовая армия. В ряды ее полков на разных условиях, добровольно или принудительно, набирались представители самых разных социальных слоев, что в большинстве случаев вело к изменению их социального статуса. Выплата жалованья, чтобы увеличить привлекательность службы, осуществлялась регулярно за счет следующих мероприятий: сбора «десятой деньги», утвержденного Земским собором 1653 г., с 1655 г. выпуском «ефимков с признаками» (орленых талеров), а затем введением медной монеты. Кризис медных денег, наступивший в 1660–1662 гг., привел к отмене их обращения, что резко осложнило выплату жалованья войскам. Среди прочего, это привело к минимизации военных операций и частичной оплате службы «мягкой рухлядью» (мехами и тканями) и продуктами (хлебное жалованье) — несмотря на проведение в 1662 и 1663 гг. двух сборов «пятой деньги»³¹.

Вообще, походное снабжение войск сочетало в себе мероприятия натурального и денежного характера: часть ратных людей снабжалась за счет своего хозяйства, часть за счет сбора натуральных налогов с населения (особенно в Литве и на Украине), но частично функции обеспечения брало на себя дворцовое ведомство царя. Не только поместная или рейтарская конница, но и поселенные, и ряд других полков драгун и солдат время от времени распускались по домам, так что в постоянном снабжении нуждались только гарнизонные полки на ТВД. Вооружение все больше изготавливалось и поставлялось в полки централизованно, что вело к его унификации по крайней мере в рамках отдельных подразделений. Боеприпасы теперь также обеспечивались полностью за счет государственных ведомств. Война вызвала милитаризацию органов приказного управления и показала их высокую эффективность. Различные военные обязанности не раз перераспределялись в ходе войны, но происходило это обдуманно и эффективно. Большую роль, помимо Разрядного, Иноземского, Стрелецкого, Рейтарского, Оружейного и Пушкарского при-

³¹ Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шаццлло М.К. История налогов в России. IX — начало XX в. М., 2006. С. 49–53.

казов, а также территориальных, дворцовых и счетных ведомств, с 1657 г. играла личная канцелярия царя — Приказ тайных дел, который время от времени забирал в свое ведение те или иные вопросы³².

Полки в 1654–1656 гг. К началу войны правительство располагало материалами подворного описания 1646 г., а также результатами повсеместных смотров служилых людей (1653 г.) и переписи «подсосудников и захребетников» по городским посадам. Разборы служилых «по отечеству» и «по прибору» в дальнейшем производились не только поуездно, но и в рамках военно-территориальных округов — разрядов. Все это позволяло проводить очередные призывы на службу новых категорий исходя из возможностей каждой сословной группы.

В 1654 г. большая часть дворян и детей боярских всех уездов (кроме польских и украинских) были мобилизованы в «сотенную службу»; к ним присоединились служилые татары и новокрепченны, а также служилые люди из мордвы и черемисы (сотники и тарханы). Вместе с тем из беспоместных детей боярских Замосковных уездов было набрано 6 рейтарских полков по 10 рот. В общей сложности в них записалось 5800–6000 рейтар, усиленных 7 драгунскими ротами (из детей боярских уездов «От Поля»). Иноземцы из литвы и греков составили полк гусарского строя в 1000 гусар и 400 драгун. Через год гусарский полк был раскассован по рейтарским, и с монастырей набрано более 600 даточных людей в рейтарском строе. Это позволило восполнить потери и увеличить численность первого полка до 14, а трех следующих — до 11 рот в каждом. Впрочем, 10 рот было оставлено зимовать в Литве, слуг монастырских затем отпустили домой, и полки в основном вернулись к обычному составу (кроме 1-го, где осталось 12 рот). После кампании 1656 г. для шести рейтарских полков была установлена очередность службы, которая прослеживается до конца 1650-х гг.³³

В пехоте и драгунах командование вернулось к набору «кормовых» полков, а также перевело в боевое положение поселенные части, пополнив их начальными людьми — как правило, до 10-ротного состава. Из драгун в походах 1654–1656 гг. приняли участие четыре полка Комарицкой

³² Подробно вопросы развития приказной системы Русского государства в связи с русско-польской войной 1654–1667 гг. рассмотрены в диссертации П. Б. Броуна: *Brown P.B. Early Modern Russian Bureaucracy: The Evolution Of The Chancellery System From Ivan III To Peter The Great 1478–1717* by Peter Bowman Brown. Chicago, 1978.

³³ Курбатов О.А. Очерк истории конных полков «нового строя» русской армии от начала их существования до окончания русско-шведской войны 1656–1658 гг. // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы. М., 2014. Вып. 3. С. 90–136.

волости (по 1300–1600 чел. в каждом), пятиротный тульский полк (кроме 1656 г.) и новоприборный полк из городовых казаков крепостей Засечной черты (1000 чел.), приданный поначалу охране осадного парка. Все эти драгуны являлись на службу со своими лошадьми, за что получали особое жалованье.

Из поселенных солдатских полков оба заонежских и сомерский приняли участие в первом походе 1654 г., каждый с особыми штатами. Поскольку из Заонежья отправилась в поход половина солдат, а начальные люди — все, то двухтысячные полки поделались на 24 и 22 роты. При этом часть олонейского полка М. Кормихеля выступала в драгунском строе. В то же время сомерский полк (800 чел.) делился всего на 5 рот. В следующем году их усилили еще два заонежских полка по 2000 чел., тогда как сомерских солдат и весь полк М. Кормихеля временно перевели в драгунский строй. Наконец, в 1656 г. на Олонце собрали пятый заонежский полк в 1000 чел.

«Кормовые» полки солдатского строя были вновь созданы в Белгороде и Москве. В Москве «старшим полковником» (с декабря 1655 г. — генералом) являлся Аврам Лесли (ветеран Смоленской войны Александр Лесли, принявший православие), а в Белгороде организатором стал Александр Краферт³⁴.

В Москве полк старшего полковника изначально насчитывал 2400 чел. (12–15 рот), а остальные 13 — по 1600 чел. (по 10 рот). Большая часть полков была набрана из детей боярских и «вольных людей» с городских посадов, а также из инородцев (мордва и черемисы). Два полка укомплектовали дворцовыми крестьянами Важской волости. В 1655 г. действующую армию в Литве усилили еще 10 солдатских полков, куда кроме «вольных людей» вошли дворцовые крестьяне вотчин Н.И. Романова, вновь прибранные инородцы (включая вотяков и самоедов) и вятские крестьяне. Эти полки составили гарнизоны в городах Великого княжества Литовского. Часть из них в конце похода была раскасована, в связи с чем смоленский гарнизонный полк А. Лесли превратился в бригаду из 30 рот — до 4800 солдат.

В Белгороде летом 1653 г. было сформировано 4 десятиротных полка по 2000 солдат. В начале 1655 г. их усилил пятый полк, в основном из мордвы и черемисы. Эти полки, в отличие от полков главной армии, не имели

³⁴ Курбатов О.А. Полки драгунского и солдатского строя, существовавшие к началу русско-польской войны 1654–1667 гг. // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2011. Вып. 2. С. 503–510.

в своем составе пикинеров и были вооружены по образцу «кормовых» полков 1640-х гг.

Таким образом, в 1654 г. в царской армии насчитывалось 6 рейтарских, 1 гусарский, 6 драгунских и 21 солдатский полки, а также один на Олонце и один — в Терках.

В 1655 г. на ТВД — 6 рейтарских полков, 8 драгунских полков (включая олонецкий и сомерский) и 32 солдатских. Осенью число солдатских полков резко сократилось.

В 1656 г. штаты действующей армии включали в себя 6 рейтарских полков, до 8 драгунских полков (включая один олонецкий и один при Наряде из романовских солдат), 13 солдатских «кормовых» в гарнизонах и под Белгородом и 10 в Рижском походе. При этом полк Лесли выступал как два полка: 15 рот в Смоленске, а 15 рот с генералом в походе. Из поселенных — пять (в ходе кампании сведены в четыре) заонежских и сомерский полки.

В 1654 г. в различные походы и города выступили почти все московские стрелецкие приказы — 17 старых и 2 вновь сформированных. Для несения караулов в городе остался один целый приказ и несколько сотен; на усиление к ним прибыли городовые стрельцы, образовав с московскими еще пять сводных приказов. Большая часть этого гарнизона погибла от чумы осенью 1654 г. В 1655 г. в Москву прибыло пять сотен холмогорских стрельцов, которые составили 20-й постоянный приказ. В 1660-х — начале 1680-х гг. насчитывалось уже 24 московских стрелецких приказа.

Наравне с московскими, самое активное участие в походах приняли два новгородских и три псковских приказа (один из 300 чел.), которые по очереди усиливали воеводские полки.

Полки в 1662–1663 гг. В эти годы была составлена общая смета всех вооруженных сил, что было связано с работой Земских соборов и финансовыми расчетами при сборах «пятой деньги»³⁵. Основные структурные изменения, по сравнению с годом окончания Государевых походов (1656 г.), следующие.

1. Новые военно-территориальные структуры сложились на основе важных стратегических направлений. Это были четыре крупных «разряда» или разрядных «полка»: Новгородский разряд (1656 г.)³⁶, Белгородский полк (1657 г.), Севский полк (около 1662 г.) и Смоленский разряд. Воево-

³⁵ Веселовский С.Б. Сметы военных сил Московского государства 1661–1663. М., 1911, // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. М., 1911. Кн. 3. С. 1–60.

³⁶ Курбатов О.А. Военные реформы в России второй половины XVII в. Конница. М., 2017.

ды первых трех располагали своими округами как базой для автономного комплектования местных полков «нового строя», тогда как в Смоленск, из-за недостатка населения, направлялись на постоянной основе войска из других регионов и Москвы³⁷.

2. В Москве было создано два образцовых полка солдатского строя под названием Первый и Второй московские выборные. В Первый отбирались солдаты из «кормовых» полков московского формирования, во Второй — дворцовые посадские и крестьяне из разных городов и уездов. В 1658 г. штат каждого полка — по 2 тысячи солдат (по 20 рот), во главе исключительно с русскими начальными людьми из рейтар. Очень скоро их численность стала расти³⁸.

3. С 1658 г. начался планомерный перевод большей части дворян и детей боярских из «сотенной» службы в полки рейтарского строя. Поначалу он коснулся разрядных полков, но потом был распространен на уезды Казанского дворца.

4. Из даточных людей и отчасти городовых стрельцов были сформированы гарнизонные стрелецкие приказы, размещенные в ряде городов Литвы и гетманской Украины. Кроме того, появилась практика сбора временных стрелецких приказов для отдельных походов — причем как из московских стрельцов, так и из служивых «по прибору» других регионов.

Согласно Смете, действующая армия включала следующие полки.

Московские полки: 24 приказа московских стрельцов, 2 московских выборных полка солдатского строя; кроме того, в столице находились офицеры и некоторое число солдат полка генерал-майора (Д. Краферта). В Пушкарском приказе и Приказе тайных дел ведался полк генерал-поручика Н. Бовмана, который состоял из нескольких солдатских полков.

Белгородский полк: 1 полк копейного строя, 6 полков рейтарского строя, 2 полка драгунского строя, 1 приказ московских стрельцов (поселенный в Белгороде), 5 полков солдатского строя.

Полки Новгородского разряда: 1 полк гусарского строя, 4 полка рейтарского строя, 1 полк драгунского строя (Сомерской волости), 7 полков солдатского строя (в том числе часть заонежских). Из стрельцов 2 новгородских и до 4 псковских приказов выступают в поход по очереди.

³⁷ Курбатов О.А. Мероприятия русского правительства по обороне Смоленска в 1654–1667 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2017. Специальный выпуск IV. Смоленские войны XV–XVII вв. Ч. II. С. 290–301 <http://www.millhist.info/2017/07/03/kyrbatov_7> (03.07.2017)

³⁸ Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории, 1656–1671 гг. М., 2006.

Полки в Смоленске, Полоцке, Витебске и других крепостях Литвы и Смоленского уезда: 7 рейтарских полков (в том числе 1 смоленский) и 7 солдатских, в том числе полки генерала (Т. Далиель) и генерал-поручика (В. Дромонт). В гарнизонах 8 приказов и несколько отдельных сотен стрельцов.

Полки в Севске, Брянске и Путивле: 4 рейтарских, 2 драгунских, 8 солдатских.

В малороссийских крепостях (Киев, Переяслав, Чернигов, Нежин и др.): 3 рейтарских полка, 3 солдатских полка, 11 стрелецких приказов.

Кроме того, мощные группировки были развернуты на юге и востоке страны. Войска стольников Хитрово вели боевые действия в низовьях Дона, части князя Черкасского были собраны под Царицыно против восставших башкир, там же, на Уфе, сражались сводные отряды из Москвы.

В Казани и Уфе находились 2 солдатских полка, в Царицыне и Астрахани 1 новоприбранный драгунский полк и 2 солдатских полка.

На Дону в отдельном городке стояли 2 солдатских полка (не отмеченных в Сметах) и 8 временных стрелецких приказов из ратных людей Симбирской черты. Еще один солдатский полк был сформирован в Тамбове.

Таким образом, царская армия 1662 г. включала в себя 26 конных полков (1 гусарский, 1 копейный и 24 рейтарских), 6 драгунских полков, 2 московских выборных полка и 38 солдатских полков (в том числе 4 генеральских). Из стрельцов следует упомянуть 25 московских приказов (в том числе 1 в Белгороде) и около 30 городских — гарнизонных и «полковой службы». Довольно мощный стрелецкий гарнизон по традиции был в Астрахани и на Терках — свыше 10 конных и пеших приказов.

Большая часть полков имела сходный штат — по 10 рот, при 33 офицерах, однако существовал и ряд исключений из этого правила. Для стрельцов, помимо традиционного пятисотенного штата, были приняты варианты семисотенных и «тысячных» приказов — по Москве. Впрочем, некоторые приказы, наоборот, не достигали обычной численности и действовали в трехсотенном составе.

Русская армия в войне 1672–1681 гг.

По окончании боевых действий в 1667 г. правительство взяло курс на оптимизацию боевого состава вооруженных сил, с целью сохранения их численности и боеспособности, но удешевления содержания. В частности, была расформирована большая часть солдатских полков, а числен-

ность стрельцов в Москве и городах, напротив, увеличилась. Стрелецкие приказы были вооружены и обучены по образцу европейской пехоты, но получали меньшее жалованье (и частично хлебом). Московские выборные полки были также усилены за счет ветеранов, что привело к увеличению их численности до трех, четырех и до шести «тысячных» полков в каждом. В рамках подготовки войны с Османской империей в каждом разряде были созданы новые полки копейного строя (по образцу польских гусар), чтобы противопоставить их мощной турецкой кавалерии. На выплату жалованья Земской собор 1672 г. одобрил сбор «десятой деньги» (повторен в 1678 и 1680 гг.).

Основными организационными единицами оставались московские полки и четыре территориальных разряда. Кроме того, появилась традиция называть воеводские полки, укомплектованные ратными людьми внутренних областей, также «разрядными» с указанием области — однако это были скорее титульные наименования, никак не обоснованные административными реформами (вроде создания автономной системы комплектования)³⁹. Штатная структура каждого разряда и походного войска в целом менялась из года в год. Так, в 1680 г. всего в царской армии состояло 37 тысяч чел. московской и городской конницы в сотнях, 1 полк смоленской шляхты, 1 полк гусарского строя, 25 полков копейного и рейтарского строя (30 тысяч чел.), 25 приказов московских стрельцов (22 тысячи чел.), 43 полка солдатского строя (59 тысяч чел.), 15 000 слободских черкас.

В дальнейшем общий порядок цифр — как по количеству полков, так и по их номенклатуре — сохранялся до последних лет XVII столетия.

³⁹ Великанов В.С. Росписи русской армии по разрядным полкам в 1650–1680 гг.: попытка создания военно-окружной системы // Военно-исторический журнал. 2018. №12. М., 2018. С. 16–21.

REFERENCES

1. *Alexeev Y.G. Pokhody Russkikh voysk pri Ivane tret'em* [Campaigns of Russian troops under Ivan III]. SPb., 2009.
2. *Bentsianov M.M. Knyaz'ya, boyare i deti boyarskie: Sistema sluzhebnykh otnosheniy v Moskovskom gosudarstve v XV–XVI vv.* [Princes, boyars and boyar children: the system of official relations in the Moscow state in the XV–XVI centuries]. M., 2019.
3. *Buganov V.I. Dokumenty o srazhenii pri Molodyakh v 1572 g.* [Documents about the battle of Molodi in 1572] // *Istoricheskiy arkhiv* [Historic archive]. M., 1959, no 4/1959.
4. *Velikanov V.S. Rospisi russkoy armii po razryadnym polkam v 1650–1680 gg.: popytka sozdaniya voenno-okruzhnoy systemy* [Paintings of the Russian army on discharge regiments in 1650–1680: an attempt to create a military district system] // *Voенно-istoricheskiy zhurnal* [A military and historic magazine]. M., 2018. no 12/2018.
5. *Veselovskiy S.B. Smety voennykh sil Moskovskogo gosudarstva 1661–1663* [Estimates of the military forces of the Moscow State 1661–1663]. M., 1911.
6. *Gorskiy A.A. K voprosu o sostave russkogo voyska na Kulikovom pole* [On the issue of the composition of the Russian army on the Kulikovo field]. // *Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki*. [Ancient Russia. Issues of medieval studies]. Dekabr' [December] 2000. M., 2001, no 4 (6).
7. *Dokumenty Livonskoy voyny (podlinnoe deloproizvodstvo prikazov i voevod) 1571–1580 gg.* [Documents of the Livon war (Документы Ливонской войны (authentic record keeping of orders and voivodes) 1571–1580)] // *Pamyatniki istorii Vostochnoy Evropy* [Historical monuments of the Eastern Europe]. M Varshava [M Warsaw], 1998, vol. III.
8. *Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannym i izdannym Arheographicheskoy komissiyey* [Additions to historical acts collected and published by the Archeographic Committee]. SPb., 1846, vol. I.
9. *Zakharov V.N., Petrov Y.A., Shatsillo M.K. Istoriya nalogov v Rossii. IX — nachalo XX v.* [The history of taxes in Russia. IX — early XX centuries]. M., 2006.

10. *Zimin A.A.* Vityaz' na rasput'e [The knight at the crossroads]. M., 1991.
11. *Ivina L.I.* Ierarkhicheskaya struktura pravyyashchey elity v knyazhestvakh Severo-Vostochnoy Rusi i Russkom gosudarstve (konets IV — pervaya polovina XVI v.) [Hierarchical structure of the ruling elite in the Principalities of Northeastern Russia and the Russian State (late XIV — first half of the XVI century)] // *Ot Drevney Rusi k Rossii Novogo vremeni: Sbornik statey: k semidesyatiletiyu Anny Leonidovny Khoroshkevich* [From Ancient Russia to Modern Russia: Collection of articles: on the 70th anniversary of Anna Leonidovna Khoroshkevich]. M., 2003. P. 88–100.
12. *Kirpichnikov A.N.* Fakty, gipotezy i zabluzhdeniya v izuchenii russkoy voennoy istorii XIII–XIV vv. [Facts, hypotheses and misconceptions in the study of Russian military history of the XIII — XIV centuries] // *Genezis i razvitie feodalizma v Rossii: Problemy istorii goroda.* [Genesis and development of feudalism in Russia: Problems of the city history]. L., 1988, P. 229 — 243.
13. *Komarov O.V.* Ratnie lyudi Pomorskikh gorodov vt. Poloviny XVI — nach. XVII v. [The military people of the Pomeranian cities of the second half of the XVI — early XVII centuries]. [Elektronniy resurs] [Electronic media] // *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki.* [History of military affairs: research and sources]. 2014. VI. P. 1–36. Available at: <<http://www.milhist.info/2014/09/17/komarov>> (Accessed 17 September 2014)
14. *Kurbatov O.A.* Nachalnye lyudi reyterskogo stroya v 1653–1658 gg.: Opyt prosopograficheskogo analiza vypusnikov pervogo v Rossii stroevogo ofitser'skogo uchilishcha (po materialam RGADA) [The chief people of the Reitar mounted regiment in 1653–1658: the experience of prosopographic analysis of graduates of the first military officer school in Russia (according to the documents of Russian State Archive of Ancient Acts)] // *Rus, Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya* [Ancient Russia, Russia: the Middle Ages and Modern Age]. Vypusk 5: Pyatie chteniya pamyati akademika RAN L.V. Milova. Materialy k mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Moskva, 9–10 noyabrya 2017 g. [Issue 5: Fifth readings in memory of Academician of the Russian Academy of Sciences L.V. Milov. Documents for the international scientific conference. Moscow, November 9–10, 2017] M., 2017. (Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU: Vyp. 104. Ser.II. Istoricheskie issledovaniya: 57 [Proceedings of the Faculty of History of Moscow State University: Issue 104. Part II. Historical research: 57], P. 608–614.

15. *Kurbatov O.A. Voennie reformy v Rossii vtoroi poloviny XVII v. Konnitsa. [Military reforms in Russia of the second half of the XVII century. Cavalry].* M., 2017.
16. *Kurbatov O.A. Dragunskiy stroy na Belgorodskoy cherte v 1630-h — nachale 1650-h godov [Dragoon formation on the Belgorod line in the 1630s — early 1650s] // Ot Dontsa do Vorskly: sbornik statey I materialov po istorii Belgorodskoy oboronitel'noy cherty. Belgorod [From Donets to Vorskla: a collection of articles and documents on the history of the Belgorod defensive line. Belgorod], 2016. Issue 1. P. 25–36.*
17. *Kurbatov O.A. Zapadnoevropeyskie voenno-teoreticheskie modeli XVII v. I ih mesto v reformirovanii russkoy armii [Western European military theoretical models of the XVII century and their place in the reform of the Russian Army] // Fenomen reform na zapade I vostokey Evropy v nachale Novogo vremeni (XVI–XVIII vv.): Sbornik statey. // The phenomenon of reforms in the West and East of Europe at the beginning of Modern times (XVI–XVIII centuries): Collection of articles. SPb., 2013. P. 231–249.*
18. *Kurbatov O.A. Organizatsiya I boevye kachestva russkoy pekhoty «novogo stroya» nakanune i v khode russko-shvedskoy voyny 1656–58 gg. [Russian infantry organization and combat qualities of the «new formation» on the eve and during the Russo-Swedish War of 1656–58] // Arkhiv russkoy istorii [The archive of the Russian History]. M, 2007. Issue 8, P. 157–197.*
19. *Kurbatov O. A. Ocherk istorii konnykh polkov «novogo stroya» russkoy armii ot nachala ikh sushchestvovaniya do okonchaniya russko-shvedskoy voyny 1656–1658 gg. [An essay on the history of the cavalry regiments of the «new formation» of the Russian army from the beginning of their existence to the end of the Russo-Swedish War of 1656–1658] // Edinorog: Materialy po voennoy istorii Vostochnoy Evropy [Edinorog: Documents on the military history of Eastern Europe] M, 2014, issue 3, pp. 90–136.*
20. *Kurbatov O.A. Polki dragunskogo I sodatskogo stroya, sushchestvovavshie k nachalu russko-polskoy voyny 1654–1667 gg. [Regiments of dragoon and soldier formations that existed at the beginning of the Russian-Polish War of 1654–1667]. Edinorog: Materialy po voennoy istorii Vostochnoy Evropy epokhy Srednikh vekov i Rannego Novogo vremeni [Edinorog: Documents on the military history of Eastern Europe of the Middle Ages and Early Modern Times]. M., 2011. Issue 2, P. 503–510.*

21. *Kurbatov O.A.* Razryady ratnykh lyudey na yuge Russkogo gosudarstva nakanune sozdaniya Belgorodskoy cherty v pervoy treti XVII v. [Lists of military men in the south of the Russian state on the eve of the creation of the Belgorod line in the first third of the XVII century] // *Ot Dontsa do Vorskly: sbornik statey i materialov po istorii Belgorodskoi oboronitel'noy cherty*. Belgorod. [From Donetsk to Vorokla: a collection of articles and documents on the history of the Belgorod defensive line. Belgorod], 2016. P. 37–44.
22. *Kurbatov O.A.* Rol sluzhilykh «nemtsev» v reorganizatsii russkoy konnitsy v seredine XVII v. [The role of the service class of the «germans» in the reorganization of the Russian cavalry in the middle of the XVII century] // *Inozemtsy v Rossii v XV–XVII vv.: Sbornik materialov konferentsiy 2002–2004 gg.* [Foreigners in Russia in the XV–XVII centuries: A collection of conference materials 2002–2004]. M., 2006, pp. 18–34.
23. *Kurbatov O.A.* Tikhvinskoye osadnoye sideniye 1613 g. [Siege of Tikhvin of 1613]. M., 2006.
24. *Kurbatov O.A.* Meropriyatiya russkogo pravitelstva po oborone Smolenska v 1654–1667 gg. [The Russian government measures aimed at defending Smolensk in 1654–1667] *Elektronnyy resurs // Istoriya voyennogo dela: issledovaniya i istochniki*, 2017, Spetsialnyy vypusk IV. Smolenskiye voyny XV–XVII vv. [Electronic resource // History of military affairs: research and sources], 2017, special issue IV, Smolensk wars of the XV – XVII centuries, part II, pp. 290–301. Available at: <http://www.milhist.info/2017/07/03/kyrbatov_7> (Accessed 3 July 2017)
25. *Kurbatov O.A.* Reorganizatsiya russkoy konnitsy v seredine XVI v.: Ideynnye istochniki i tseli reform tsarskogo voyska [Reorganization of the Russian cavalry in the middle of the XVI century: Ideological sources and goals of the reforms of the Tsarist army] // *Edinorog: Materialy po voennoy istorii Vostochnoy Evropy epokhy Srednikh vekov i Rannego Novogo vremeni*. [Edinorog: Documents on the military history of Eastern Europe of the Middle Ages and Early Modern Times]. M., 2009, issue 1, P. 196–227.
26. *Liseytshev D.V., Rogozhin N.M., Eskin Yu.M.* Prikazy Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vv. [Prikazes of the Moscow state of the XVI–XVII centuries]: Slovar-spravochnik [Dictionary and Reference]. M., SPb., 2015.
27. *Malov A.V.* Moskovskiye vybornyye polki soldatskogo stroya v nachalnyy period svoey istorii, 1656–1671 gg. [Moscow elective regiments of the soldier system in the initial period of its history, 1656–1671]. M., 2006.

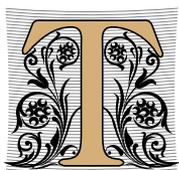
28. Ob ustroystve lagerya [About the organization of the military camp] // Dva vizantiyskikh voyennykh traktata kontsa X v. [Two Byzantine military treatises of the late tenth century]. SPb., 2002.
29. Razryadnaya kniga 1475–1598 gg. [Razriad books of 1475–1598]. M., 1966.
30. *Romanov M. Yu.* Komandnyy sostav streletskogo garnizona Moskvy v period vozrozhdeniya strany posle Smuty [The command staff of the Moscow Streltsy garrison during the period of the revival of the country after the Time of Troubles (1613–1628)] Elektronnyy resurs // Istoriya voyennogo dela: issledovaniya i istochniki [Electronic resource // History of military affairs: research and sources], 2017, vol. IX, pp. 123–168. Available at: <http://www.milhist.info/2017/03/06/romanov_1> (Accessed 6 March 2017)
31. *Stanislavskiy A. L.* Grazhdanskaya vojna v Rossii XVII v.: Kazachestvo na perelome istorii [The Russian Civil War of the XVII century: The Cossacks at the turning point of history]. M., 1990.
32. *Taratorin V. V.* Konnitsa na voyne [Cavalry during the war]. Minsk, 1999.
33. *Tyumentsev I.O.* Inozemnyye soldaty na sluzhbe Lzhedmitriyu II. 1607 – nachalo 1610 g. [Foreign soldiers in the service of False Dmitry II. 1607 – early 1610] // Inozemtsy v Rossii v XV–XVII vekakh: Sbornik materialov konferentsiy 2002–2004 gg. [Foreigners in Russia in the XV–XVII centuries: A collection of conference materials 2002–2004]. M., 2006, P. 270–283.
34. *Shtaden G.* Zapiski o Moskovii [Notes about Muscovy]. M., 2008.
35. *Brown P.B.* Early Modern Russian Bureaucracy: The Evolution Of The Chancellery System From Ivan III To Peter The Great 1478–1717 by Peter Bowman Brown. Chicago, 1978.

Ключевые слова:

русская армия, полки «нового строя», московские полки, стрельцы, военные реформы.

Oleg A. Kurbatov

THE RUSSIAN ARMY OF THE XV—XVII CENTURIES. AN OUTLINE OF THE HISTORY OF ORGANIZATIONAL STRUCTURES

The essay examines the evolution of the organizational structures of the Russian army of the Grand Ducal and Tsarist periods, in connection with the most important military reforms. Particular attention is paid to the origins of certain forms of military organization, the boundaries of their existence are specified. It is noted that the units of the European type were established as the basis of the organization of the armed forces long before the reforms of Peter the Great, in the second third of the XVII century.

Key words: the Russian Army, the «New Formation» Troops, Moscow Armed Forces, Streltsy, Military Reforms.

Oleg A. Kurbatov — Ph.D. in History, staff member of the Russian State Archive of Ancient Documents, member of the Expert Council of the OOD Rosrekon.

 Курбатов Олег Александрович

кандидат исторических наук, сотрудник РГАДА,
член экспертного совета ООД Росрекон